

Защитники Белого дома, 20 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

18.08.2020, 13:31 Москва

СТАТЬИ

Цветы в дулах танков: воспоминания защитников Белого дома

18 августа 1991 года Государственный комитет по чрезвычайному положению объявил в Москве режим чрезвычайного положения: в город вошли войска, деятельность партий приостановили, митинги и забастовки запретили, выход прессы остановили. Массовый протест у Белого дома спустя несколько дней привел к провалу путча, а эти несколько августовских дней на долгое время стали символом сопротивления давлению властей.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Со временем ситуация стала меняться. В 2017 году мэрия Москвы отказала в традиционном подъеме российского триколора в память о погибших в августе 1991 года у знака «Защитникам свободной России» на пересечении Садового кольца и Нового Арбата. Здесь демонстранты пытались остановить колонну БМП, призванную пресечь выход жителей на улицы. В 2016 году мэрия предложила перенести акцию в парк Сокольники. В том же году в Петербурге были задержаны участники схода в честь годовщины путча после того, как с ними встали с пикетом активисты НОДа и стали задирать.

Соавтор исторического сообщества «Она развалилась» Дмитрий Окрест поговорил с вышедшими к Белому дому 29 лет назад.

ВАЛЕРИЯ СМИРНОВА

Валерия Смирнова (крайняя справа), конец 1980-х / Снимок из архива Смирновой

19 августа мой сын Илья позвонил на работу и сказал: «Пойду с ребятами защищать Белый дом». Я, естественно, сорвалась и нашла сына уже там. Для меня ведь самое главное — быть рядом с Белым домом, рядом с сыном. Люди ехали со всего Союза, столько народу было — передать нельзя. Были совершенно разные люди — все к демократии стремились.

Было немножко страшно, но мы ведь хотели показать свое право на демонстрацию, показать, что мы ничего не боимся. Даже танков! Это была попытка преследовать тех, кто не согласен с политикой партии.

С начала путча я вместе с сыном поселилась в рейсовом автобусе у лестницы Белого дома, несколько машин пригнали незадолго до этого. Почти сразу же собравшиеся начали создавать баррикады. Строили быстро, так как молодые тащили все, что находили под рукой — стулья, арматуру, автомобильные колеса. Помимо строительства, мы принимали участие в другой деятельности — я постоянно резала бутерброды для демонстрантов, а потом стояла в оцеплении. Больше всего мне

запомнилось, как однажды для бутербродов принесли красную икру.

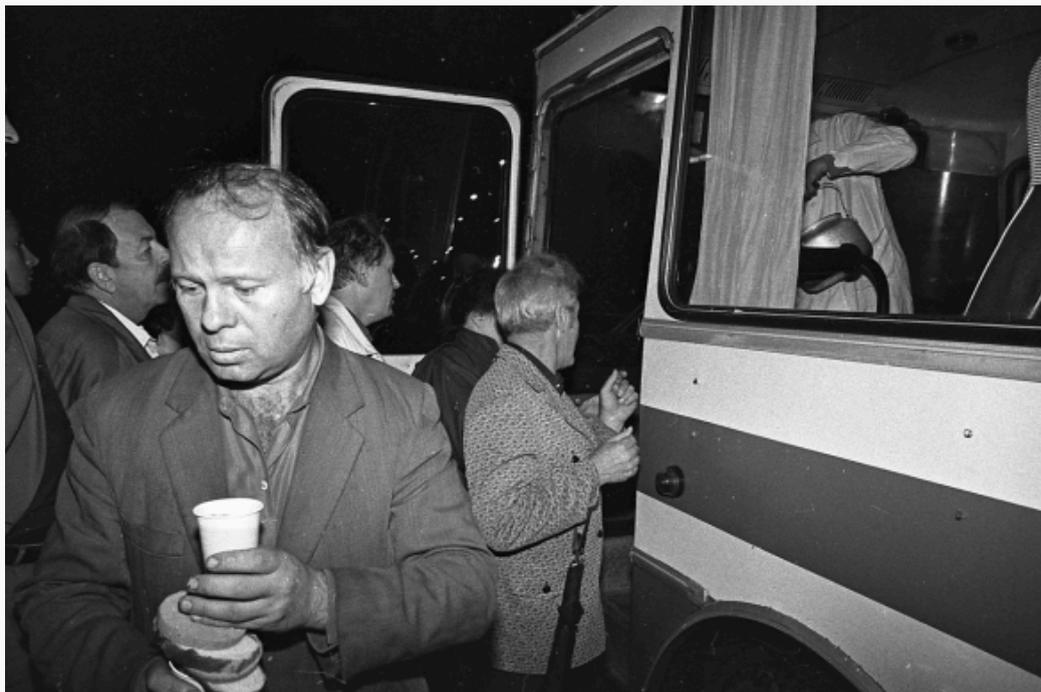
Подобная деятельность протестующих координировалась через самоорганизуемые отряды. Сначала формировались группы по 30 человек — потом создавались уже сотни. Вскоре вокруг Белого дома организовали девять цепей, чтобы из никто из агитаторов за ГКЧП не мог пройти. Затем приехали танки и встали по углам Белого дома, а мои знакомые ребята вставили принесенные ранее цветы в дула.

Самое начало путча, троллейбусами перегородили подъезд к театру Моссовета, у него собирались сторонники перестройки, 18 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Группа протестующих на троллейбусе, девушка с плакатом — Эстер Дюфло, в 2019 году она получила Нобелевскую премию по экономике / Фото: Дмитрий Борко

В эту ночь люди ждали штурма Белого дома, произошли столкновения с жертвами на Садовом. В кадре волонтеры раздают чай и бутерброды, помогают согреться. Ночь с 20 на 21 августа 1991 года / Фото: Дмитрий Борко

Мне хорошо запомнилось эмоциональное выступление Ельцина, но признаюсь, что практически ничего не слышала. Мои ребята все ночи не спали, и 22 августа, когда состоялся большой победный митинг, заснули

на мостовой под стенами Белого дома. В итоге домой я на себе волоком везла сына.

В начале 90-х вызвали в правительство Москвы, но за наградами не пошли: сегодня мы герои, а завтра неизвестно, как обернется. В итоге начальник нашей сотни передал потом грамоты. Тогда я представляла ГКЧП как врагов, а сейчас мне многое неясно. Сегодня единственная отрада для души — общаться с людьми, которые хотят восстановить СССР.

Надеюсь, что восстановят обновленный СССР с той свободой слова и путешествий. Не знаю насколько реально, может быть не сейчас, но скоро — народ просыпается. Возврат должен быть мирным — без войны и митингов, а не как тогда у Белого дома.

Не думайте, что я люблю смотреть телевизор — я предпочитаю фейсбук, так как в телевизоре смотреть нечего. Прежде всего общаюсь тут с ностальгирующими по Советскому Союзу. Несмотря на мое участие в обороне Белого дома в 1991 году, меня приняли в этом сообществе. Но все равно тоска иногда так заедает и думаешь: «Господи, за что».

АЛЕКСЕЙ ЛЕЩЕНКО

Алексей Лещенко (крайний справа), конец 1980-х / Снимок из архива Лещенко

Мой отец всю жизнь был военным, поэтому для его детей не было других вариантов, кроме армии. В итоге я и брат также пошли по военной стезе. К 1991-му году я уже девять календарных лет был в армии, из них четыре года — офицером. Учился в Военно-космической академии имени Можайского. Служил в научно-исследовательском институте в Королеве, затем на полигоне в Плесецке, где готовил диссертацию.

Мне казалась, что страна проиграла холодную войну и, следовательно, моя научная работа уже бесполезна. Большинство граждан стали негативно относиться к советской власти — все были распропагандированы. СССР исчерпал себя, и как патриот я понимал, что мы должны менять страну и не должны возвращаться обратно.

Утром 20 августа я узнал, что погибли люди, поэтому быстро собрал вещи и выдвинулся к Белому дому. Из Мытищ в центр я поехал на троллейбусе. Я был одет в военную форму без знаков различий, а в это же время вдоль трассы стояли танки. Отношение людей к боевой

технике на улицах было негативным, и мне запомнилось осуждающее перешептывание пассажиров, смотревших то на меня, то на стоящие на улице танки.

Для меня самого решение поехать на защиту Белого дома далось с трудом, ведь я был офицером. Шансы на победу слабые, а риски — высокие. В случае победы путчистов мои действия могли квалифицировать как военное преступление — в лучшем случае осудить за дезертирство, а могли применить и статью о мятеже.

Я был уверен, что нас ждут сложные времена, но альтернатива от ГКЧП казалась катастрофой. Ребята из ГКЧП — это прошлое, и они тащили назад. ГКЧП — архаичная структура и сборище охламонов — ни авторитета, ни заслуг. Они были нестрашные и картонные. Они хотели танками напугать вышедших протестовать людей, но люди не боялись армии.

Войска входят в центр города, утро 19 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Люди строят баррикады, 19 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Демонстранты протянули флаг по балкона Белого дома, 20 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Манежная, демонстранты встречают и агитируют входящие в центр армейские колонны, 19 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

После столкновений в тоннеле на Садовом на подступах к Белому дому, тогда погибли три демонстранта, 21 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Баррикады и танк с цветами в дуле, 19-21 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

В Белом доме меня как действующего военнослужащего пригласили войти в особую группу. На тот момент на баррикадах действующих военных было четверо — потом пригнали танк и пришли курсанты-милиционеры. Особенный энтузиазм у обороняющихся наступил, когда приехал выступать Ельцин. Вместе с ним была небольшая группа милиционеров. С того момента у меня появилось ощущение, что защитники Белого дома правы и прямо здесь делают историю.

Мое подразделение контролировало отрезок у 20-го подъезда, прилегающий к Москва-реке. К 20-му августа ожидали нападения, поэтому по моей рекомендации обустроили на всем участке баррикады, чтобы максимально усложнить проникновение в Белый дом и возможный захват Ельцина. Кроме того, я рекомендовал спилить деревья, так как они мешали обзору.

Я получил пистолет 21 августа, когда появилась группа для проверки кабинетов Белого дома на случай диверсантов — на тот момент оружие было только у охраны президента. В один из ночных обходов я случайно встретился

с музыкантом Мстиславом Ростроповичем, который тоже дежурил в Белом доме. С одной стороны, это была массовая демонстрация, с другой — вооруженные люди и противостояние с государством на высоком уровне.

1991 год — это попытка задвинуть страну назад. До 2000 года страна двигалась вперед. Если бы вернуться в 1991 год, то пошел бы еще раз — это было сделано во благо страны. Возле Белого дома я видел энтузиастов, а не карьеристов. Я все время был пессимистом и потому видел, что будет куча бардака, но думал, что все-таки будет легче. Но все-таки нынешний результат лучше, чем победа ГКЧП.

ЕЛЕНА ХОЛИНА

Елена Холина (справа), конец 1980-х / Снимок из архива Холиной

Первая ласточка сомнения в существующем строе у меня появилась в школе, когда стали изучать советскую литературу. Помню, как обратила внимание, что у многих писателей и поэтов в годах жизни была странная и не объясненная в тексте дата смерти — многие из них

независимо от возраста погибли в 1936–39 года. В 14 лет в руки мне попала какая-то диссидентская книга, и я ей сразу поверила, сравнив стиль и слог с изучаемой в школе советской литературой. Начался психологический слом, но зато все встало на свои места.

Я работала в районном народном суде секретарем. Вскоре поняла, что это лживая система и работать там больше не хочу. Взятки не видела, но знала, что они есть. После учебы в Университете нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина работала в геофизическом бюро при «Газпроме».

До Перестройки я думала так: я умру при этой советской власти, и меня закопают, и детей моих тоже закопают при этой мерзкой советской власти, когда ни вздохнуть, ни охнуть. Хотя времена мои были очень гуманитарными — не сталинскими. С 1987 года мы жили, как на вулкане. В то время мы слушали радио, перезванивались постоянно, обсуждали новости.

Танки на Ленинском проспекте — банально интересно и дико страшно. Я сидела на работе и вдруг услышала этот гул из детских фильмов. Я родилась через 10 лет после войны, и для нас это было очень актуально. С приходом танков Москва выглядела пустынной и настороженной. Все перегородили автобусами.

Незадолго до этого вся семья уехала на дачу. Было стремное чувство, что тут переворот, а семья не знает. Не понимала, что делать — или их оповещать, или бежать спасаться к ним. У моей хорошей подруги муж с фамилией Кричевский, я была в ужасе, когда узнала о гибели трех молодых людей, среди которых был Илья Кричевский.

Почему-то была у меня повышенная тяга к справедливости, и я с детства знала, как все всем правильно сделать. От этого ужасно страдали ближайшие родственники. Когда начались все эти события, то мне

хотелось действовать. Но у меня нет ярко выраженных талантов, но чтобы как-то помочь собравшимся на баррикадах, я посчитала нужным принести еду.

В целом это было потрясающее количество единомышленников, которые прибежали, чтобы отстаивать свое право выйти на улицу. Люди защищают свободу — они хотят есть наверняка, подумала я. Потому и принесла еду. Я не знаю, откуда узнала, куда идти — вся информация буквально носилась в воздухе.

Митинг у Белого дома, 18-21 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Протестующие вокруг Белого дома, 19-21 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Протестующие вокруг Белого дома, 19-21 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Протестующие вокруг Белого дома, 19-21 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Протестующие вокруг Белого дома, 19-21 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Братание у Белого дома, когда на сторону Ельцина перешел танковый взвод майора Евдокимова, ночь с 19 на 20 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Молодые люди опустили флаг на баррикадах — мимо проходит похоронная процессия, хоронят погибших в столкновениях. 24 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

После победного перелома, 22 августа 1991 год / Фото: Дмитрий Борко

Был сумрачный день, именно тогда увидели впервые танки. Мы испугались и стали думать, что делать. В ночь с 20 на 21 августа был дождь, никто со мной идти не хотел, а мне хотелось помогать. Выбор пал на пирожки с мясом, так как у меня уже был опыт ихготовки на продажу. Тем не менее я чувствовала себя отдельно от собравшихся — не пришей кобыле хвост, что называется.

Я пришла раздавать пирожки, словно Машенька с коробом. Время-то было голодноватое, пирожки съели сразу — «спасибо» говорили. Было потрясающее количество единомышленников. Было много разговоров. Все были веселые, несмотря на реальность угрозы. Тем не менее люди готовы были сопротивляться разгону со стороны государства, которое решило применить танки против демонстрантов. Я вспоминаю, что, по слухам, у собравшихся было много оружия, но я ничего подобного лично не видела.

К Белому дому я пришла со знакомыми чекистами, в том числе родственниками и друзьями по даче. Мы слушали Бориса Ельцина на танке — было весьма символично на это смотреть. Мне никогда не нравился Ельцин, но его

выступление олицетворяло собой перемены. Ровно тогда я заобожала музыканта Мстислава Ростроповича, который там тоже был. Впрочем, к моему сожалению, ничего из надежд не оправдалось.

Последнее время почти не хожу на митинги, так как, в отличие от 90-х, у меня уже нет надежды на изменения. Я надеялась на свободную прессу: хотела читать газеты и им верить.

Тем не менее с 2014 года я была в инициативной группе жителей, которые протестовали против так называемого улучшения нашего яблоневого сада в Беляево — в результате этого множество живых деревьев было срублено как сухостой, нарушена дренажная система, а грунт наживую вместе с травой сняли. Удалось отстоять часть сада, буквально ложась под бульдозер. Вместо уютных дорожек и тропинок сделали огромные дорожищи, чтобы их машинам было сподручно ездить по саду. Сегодня, как и 29 лет, назад я готова вновь нести пирожки на баррикады — хотя бы ради радости людей, которые их получают.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

26.02.2026 Москва

Экс-фотографу штаба Навального увеличили
срок из-за пожелания смерти Путину